

АБАЕВ В. И.

Parerga 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ОПИСАТЕЛЬНОЕ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ
о классификации наук

Классификация наук подчинена простому, давно сформулированному тезису: порядок и связь идей — те же, что порядок и связь вещей. Это значит, что классификация наук должна отражать классификацию объектов, которые составляют предмет научного познания. Предметом же научного познания являются природа, с одной стороны, и человек и человеческое общество, с другой. Отсюда две группы наук: естественные и общественные, или гуманитарные (последние называли и называют иногда также «антропологическими»).

Это деление так же старо, как сама наука. «Уже в древности китайские мыслители ясно различали в рамках своих философских учений область явлений, связанных с природой, с внешним миром, и явлений, связанных с человеком и трактуемых с позиций морально-этических принципов» [1].

Античная философия также отчетливо различала мир природы и мир человека. Знания о первом обобщались под названием «физики», знания о втором — под названием «этики».

Детальную классификацию всех научных знаний своего времени пытался дать Д'Аламбер во Введении к знаменитой французской «Энциклопедии» [2]. Он также четко отличает науку о человеке от науки о природе. В науку о человеке входят, по Д'Аламберу, психология, логика и лингвистика, мораль и этика.

Представители позитивистской философии О. Конт (1798—1857), Г. Спенсер (1820—1903) и их последователи область гуманитарных знаний объединяют под рубриками «социологии» и «психологии».

Таким образом, разделение наук на две группы, естественные и гуманитарные, никогда в сущности не было дискуссионной проблемой на протяжении всей истории научного познания. Дискуссионными были два вопроса: 1) в чем специфика каждой группы, 2) как они между собой соотносятся. Наряду с тенденцией сблизить обе группы наук, вскрывая общие закономерности, управляющие как миром природы, так и миром человека (в системах Конта, Спенсера и других мыслителей), наметилась противоположная тенденция: отделить гуманитарные науки от естественных непроходимой пропастью. Эта последняя тенденция нашла свое крайнее выражение в трудах неокантовских философов Г. Риккерта (1863—1936) и В. Виндельбанда (1848—1913). Науки о природе (Naturwissenschaften) и науки о культуре (Kulturwissenschaften) принципиально различны по своим задачам и методам. Первые стремятся установить общие законы. Поэтому они называются «генерализующими» или «номотетическими». Вторые рассматривают каждый феномен человеческой истории и культуры как нечто уникальное и неповторимое, подлежащее характеристике в терминах учения о «ценностях», об истине, добре и красоте. Поэтому эти науки называются «индивидуализирующими» или «индиографическими» [3—5] ¹.

¹ Именно на неокантовском «индивидуализирующем» подходе к отдельным культурам зиждутся в конечном счете исторические концепции немецкого философа О. Шпенглера (1880—1936) и английского историка А. Тойнби (1889—1975). Философия истории первого изложена в книге «Untergang des Abendlandes» (Bd. 1—2, 1918—1922), второго в многотомном труде «A study of history» (v. 1—12, 1934—1961).

Риккерт и Виндельбанд вышли из Канта. Маркс и Энгельс — из Гегеля. Но в то время как первые углубили идеалистическую сторону философии Канта, вторые совершили нечто диаметрально противоположное: они совлекли с философии Гегеля ее идеалистическую оболочку и раскрыли под ней рациональное ядро: законы диалектики, в равной мере управляющие миром природы и миром человека и человеческого общества. Мировой процесс — это не движение «духа», как считал Гегель, а движение материи, и это применимо как к природе, так и к обществу. В Послесловии ко второму немецкому изданию первого тома «Капитала» Маркс писал: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [6]. Но раз так, то «ценности», которые по Виндельбанду и Риккерту составляют предмет и содержание гуманитарных наук, лишь в головах людей становятся «идеальными». Корни у них — материальные. Стало быть, к классификации гуманитарных наук применимы те же принципы, что к классификации естественных. Одним из важнейших принципов, общих для тех и других, является деление наук на описательные и объяснительные.

Такое деление по видимости совпадает с делением наук на описательные (эмпирические, конкретные) и теоретические (абстрактные). Это деление мы находим уже у Канта. Но Кант считал, что всякая наука, в том числе и теоретическая, может отвечать только на вопрос «как?», а не «почему?». Эта агностическая позиция характерна для позитивизма, как классического, так и неопозитивизма. Вопросы «что?» и «как?» относятся оба к сфере описательной науки. Абстракция — важный шаг в работе познающего разума, но сама по себе она — не объяснение. Объяснительная наука призвана отвечать на вопрос «почему?», т. е. раскрывать с возможной глубиной причинные связи. Человеческий разум никогда не довольствуется наблюдением и описанием окружающих явлений. Он ищет им объяснения. Для объяснительной науки характерна постановка вопроса о происхождении и изучаемого круга явлений или объектов. Агностицизм чужд объяснительной науке и несовместим с нею.

Представляется очевидным, что в любой науке описание предшествует объяснению. При этом наименование той или иной описательной науки переносится и на соответствующую объяснительную науку, хотя это — принципиально разные вещи. В результате названия наук, которые мы употребляем, не отражают четко деления наук на описательные и объяснительные. У европейских народов они формировались отчасти стихийно, на основе античной — в основном греческой — традиции². И многие названия, которые возникли, когда данная наука не поднялась еще на уровень объяснительной, недифференцированно применяются к обоим «жанрам», описательному и объяснительному. Уже античная философская мысль сделала шаг к упорядочению номенклатуры наук путем противопоставления названия на -*графия* (*гео-графия* и пр.) наукам на -*логия* (*гео-логия* и пр.). Первые указывают на описательность, вторые — на объяснительность или во всяком случае на известный теоретический уровень. Но это различие проводилось и проводится далеко не последовательно, и один и тот же «диффузный» термин применяется и к описательной и к объяснительной науке. Такая терминологическая нечеткость дает себя знать как в естественных науках, так еще в большей степени в науках гуманитарных.

Описательные и объяснительные науки в естествознании

Науку о небесных светилах древние греки называли *астрологией* (Аристотель и др.) и *астрономией* (Платон и др.). Первое название впослед-

² Некоторые названия (например, *алгебра*) идут из арабского.

ствии закрепились за псевдонаучным гаданием по планетам и звездам. Термин же *астрономия* по традиции применялся и применяется безразлично к любому аспекту познания космоса как в описательном, так и объяснительном плане. На деле же можно говорить уже о двух разных областях астрономической науки: космографии (описание) и астрофизике (объяснительная наука).

В науках о Земле больше терминологической четкости. География — наука описательная. Геология, поскольку она занимается не только строением, но и происхождением и историей нашей планеты, наука объяснительная. Как ярко выраженная объяснительная наука геология выступила в XIX в. в теории катастроф Кювье и в теории постепенных изменений Лайеля.

Физика у Аристотеля означает науку о природе. Сейчас это термин слишком общий, диффузный. Общей шапкой «физика» покрывается как описание физических явлений, так и их объяснение. Атомная и ядерная физика подняла эту науку на принципиально новый уровень объяснительного познания. Эту, в сущности новую науку можно было бы назвать «энергологией», наукой об энергии и ее преобразованиях. В прикладной области ей соответствует *энергетика*. Ср. ниже соотношение *фонетики* и *фонологии*, а также такие пары, как *техника* и *технология*, *психика* и *психология*, *политика* и *политология*.

В науке о жизни нет особых номенклатурных неясностей. Ботаника и зоология в основном — науки описательные, биология — наука объяснительная. Вершиной биологии как объяснительной науки стала в XIX в. эволюционная теория Дарвина. Новейшие исследования на клеточном и молекулярном уровне неизмеримо углубили проблематику биологии и породили новую науку — генетику.

Строение и функции живых организмов изучаются описательными науками, анатомией и морфологией и объяснительной наукой физиологией.

Таким образом, через все естествознание проходит деление наук на описательные и объяснительные, хотя названия наук не всегда точно и адекватно отражают это фундаментальное различие.

Описательные и объяснительные гуманитарные науки

Все, что происходит в мире человеческом, так же требует объяснения, как все, происходящее в мире природы. Поэтому в системе гуманитарных наук наряду с описательными существуют науки объяснительные. К сожалению, традиционная номенклатура наук здесь еще менее дифференцирована, чем в естественных. Взять термин *история*. В древнегреческом его основное значение было «сведения, полученные путем расспросов» (*ιστορέω* «расспрашиваю»). Отсюда вообще «сведения, значения», в частности «знания о прошлых событиях», «история». Но ни обобщения, ни объяснения не входили в задачу истории. Напротив, Аристотель подчеркивает, что история говорит только о единичном (*ἡ ἱστορία τὰ καθ' ἕκαστον λέγει*).

Первый, кто пытался поднять историю на уровень объяснительной науки, был итальянский мыслитель Джованни Баттиста Вико (1669—1744). Он рассматривал исторический процесс не как беспорядочную смену отдельных событий, а как подчиненный определенным законам круговорот с периодически повторяющимися стадиями [7]. Исследования такого рода принято называть «философией истории». Поскольку описательный уровень исторической науки зовется историографией, почему бы объяснительный уровень не наименовать *историологией*? *Историологией* *par excellence* является исторический материализм Маркса и Энгельса. Согласно этому учению, исторический процесс определяется и направляется единым доминирующим фактором: развитием производительных сил и производственных отношений. Блестящее изложение этой теории дал Г. В. Плеханов (1856—1918) [8].

Весьма нечетким является термин *социология*. Реально существуют две разные науки: наука, описывающая социальные структуры, и наука, объясняющая их в генезисе и развитии.

Больше повезло в смысле номенклатуры науке народоведения. Здесь мы имеем два уровня исследования — описательный и объяснительный и соответственно два термина: *этнография* и *этнология*. Они в принципе должны соотноситься так же, как *география* и *геология* в естествознании.

Крайне расплывчат и многозначен термин *психология*. Объясняется это не только тем, что предмет этой науки — *ψυχή* «душа» — вещь достаточно расплывчатая, но и общей нечеткостью и недифференцированностью научной номенклатуры в гуманитарной сфере. Несомненно, однако, что и здесь существует две науки; одна, которая описывает психические явления, и другая, которая их объясняет или пытается объяснить. Зачатки объяснительной психологии мы находим уже у античных мыслителей (Аристотель). Но расцвет этой науки относится к новому времени, когда возникает целый ряд психологических теорий, направленных на правильное объяснение психических феноменов: ассоциативная психология, сенсуализм, *Gestaltpsychologie*, учение о рефлексах, психоанализ, бихевиоризм и др.

Все эти теории имеют прямое отношение и к лингвистике, поскольку проблема «язык и сознание», «язык и мышление» — одна из фундаментальных в объяснительном языкознании.

Что такое объяснительное языкознание

Мы видели, что содержанием научного знания, будь то в естественных науках, будь то в гуманитарных, является, с одной стороны, опыт, наблюдение и описание, с другой, выяснение генезиса и причинных связей. Потребность доискиваться до происхождения и первопричин везде и всегда лежит в природе человеческого разума, и никакие искусственные агностические барьеры не могут остановить его на этом пути.

Объяснительная наука — это наука высшего класса. Чтобы подняться на этот уровень, объяснительное языкознание должно прежде всего осознать себя, свою специфику, свои задачи, свое коренное отличие от описательной науки. Речь идет о двух разных науках, как разными науками являются география и геология. Их можно было бы назвать «глотографией» и «глоттологией».

Нет ничего общего между соотношением «описательный» — «объяснительный» и «синхронный» — «диахронный». Диахронное (историческое) исследование может оставаться чисто описательным, т. е. описывать разные хронологические этапы или срезы. Историческая география остается географией, т. е. наукой описательной. Она не превращается в геологию. Верно, что историзм — обязательный признак объяснительной науки, но историзм историзму — рознь. Объяснительная наука призвана не просто описать разные хронологические состояния, но вскрыть механизм причинных связей и движущих сил, породивших эти состояния.

Проблематика объяснительного языкознания ясна: возникновение и формирование человеческой речи, движущие силы и этапы ее развития, генезис лексики и грамматики, язык как идеология и как техника, распределение языковых типов во времени и пространстве. Эти проблемы ставились в романтический период истории языкознания в первой половине XIX в. в трудах В. Гумбольдта, Я. Гримма, А. Шлейхера. Но они затухли в младограмматической школе, где на первый план выступил формальный анализ³. Формализация языкознания достигла предела в структурализме. Как в истории организмов возникают виды, не способные к дальнейшему развитию, так в истории любой науки могут возникнуть направления, которые ведут в тупик. Таким тупиковым направлением в языкознании являлся структурализм. Таким же направлением была формалистическая школа в советском литературоведении 20-х годов (Эйхенбаум, Шкловский и др.). Эта школа утверждала, что литературное произведение надо рассматривать как явление «в себе и для себя» и разби-

³ Парижское лингвистическое общество в своем уставе даже наложило вето на постановку вопроса о происхождении языка.

рать и оценивать исключительно в терминах его формальных композиционных и выразительных средств в полном отвлечении от всяких социальных, политических и идейных реальностей. Писатель — это не представитель своего общества и своей эпохи, а набор формальных литературных приемов. Задача литературоведа — выявить эти приемы. Изобранные по видимости, но примитивные по существу, формалистические упражнения представителей этой школы выдавались за вершину литературоведения. Но они мало помогали познанию литературного процесса как общественного и культурного явления. Так же точно обстоит дело со структуральным формализмом в языкознании. Языкознание и литературоведение — это два раздела одной большой науки, науки о Человеке. Формализация этих наук равносильна их дегуманизации. Почему? Да просто потому, что человек заложен в с о д е р ж а т е л ь н о й стороне языка и литературы, а не формальной.

Структурализм в языкознании — родной брат формализма в литературоведении.

Тезис Соссюра «язык надо изучать в себе и для себя» применим только к описательному, но не объяснительному языкознанию. Язык сам себя описывает, но он сам себя не объясняет. Чтобы его объяснить, надо выйти за его пределы. И это является законом для всех объяснительных наук без исключения. В любой науке переход от описательной стадии к объяснительной неотвратимо связан с вовлечением в свою орбиту данных тех или иных смежных наук. Как только астрономия перешла от описания к объяснению космического мира, она сомкнулась с физикой (астрофизика). Геология как объяснительная наука обязательно включает биохимию и биофизику. Биология — биохимию и молекулярную биологию. Физиология как объяснительная наука немыслима без органической химии⁴. Не иначе обстоит дело в гуманитарных науках. История смыкается с этногенетикой, социологией и экономикой, социология с этнографией и т. д.

Совершенно так же перед объяснительным языкознанием встают межнаучные проблемы, которых не знает языкознание описательное. Главные из этих проблем следующие: происхождение языка; язык и мышление; язык и объективная действительность; язык и общество; язык и история; язык и материальная и духовная культура.

Объяснительным можно назвать только такое исследование явлений языка, которое имеет выход к перечисленным выше фундаментальным проблемам или к некоторым из них. А каждый такой выход — это выход в смежные науки: антропологию, философию, психологию, социологию, историю (включая археологию), культурологию, фольклористику, литературоведение. Такой широкий охват смежных дисциплин не должен удивлять. Язык — явление уникальное по своей универсальности, поэтому так необъятно широки и универсальны его связи со всем тем, что называют «экстралингвистическим» миром.

Мы уже отмечали, что в языкознании, как и в некоторых других областях знания, нет ясного осознания, что речь идет в сущности о двух р а з н ы х науках, описательной и объяснительной, традиционно носящих одно общее название. Любопытно, однако, что в некоторых разделах лингвистики наступило четкое размежевание. Рядом с фонетикой, наукой описательной, имеем фонологию, науку объяснительную. Рядом с лексикографией — историческую лексикологию и этимологию.

Фонетика и фонология

Когда П. К. Услар в 70-е годы прошлого века приступил к своей пионерской работе по изучению кавказских языков, он был на первых порах озадачен необычной для европейского слуха сложностью их звукового

⁴ Даже в описательных науках при всякой попытке внести объяснительные элементы приходится «заглядывать» в другие науки. Об одном из создателей научной ботаники Деканделе (1778—1841) энциклопедический словарь Meyer'a сообщает: «Er bemühte sich die Botanik mit der Chemie und Physik in Verbindung zu bringen».

состава. Качество и количество звуков и их оттенков не поддавались, казалось, никакой систематизации. Но скоро он заметил, что для самих говорящих важны (как теперь говорят, «релевантны») не все различия между звуками, а только некоторые. Какие же именно? Те, которые позволяют отличать одно слово от другого, одну морфему от другой. Это простое открытие можно считать началом новой науки в рамках языкознания: фонологии. Фонетика изучает звуковой состав языка «со стороны», по его акустическим и артикуляционным характеристикам. Фонология — «изнутри», с позиций говорящего коллектива. Чтобы установить систему звуков абхазского, чеченского, аварского языков, Услару приходилось как бы «перевоплощаться» в абхаза, чеченца, аварца. Только в результате такого «перевоплощения» кажущийся хаос звуков речи превращался в стройную систему фонем как противостоящих друг другу смысловых различительных единиц.

Дальнейшее развитие фонологической науки связано с именами И. А. Бодуэна де Куртене, Л. В. Щербы, Н. Ф. Яковлева, Н. С. Трубецкого и многих других исследователей. К сожалению, вокруг первоначальной простой истины было накручено много хитроумных домыслов, только затемнявших суть дела. История учения о фонеме может служить прекрасной иллюстрацией к афоризму: одни ученые распутывают сложное, другие запутывают простое. Простое же заключается в том, что фонологический состав языка представляет социально отработанным в истории говорящего коллектива систему фонемных оппозиций, находящихся целиком на службе семантики. А это значит, что фонема — категория одновременно социолингвистическая и психолингвистическая. Имея выход к проблемам «язык и общество» и «язык и мышление», фонология обладает чертами объяснительной науки, в отличие от фонетики, которая занимается простым описанием звуков речи по их акустическим и артикуляционным признакам.

Лексикография и этимология

Нет надобности доказывать, что лексикография относится к этимологии, как описательная наука к объяснительной. Задача лексикографии — регистрация, систематизация и описание лексики. Этимология занимается ее происхождением и историей. Но история лексики неотделима от истории народа. Еще один из родоначальников сравнительно-исторического языкознания Якоб Гримм говорил, что наш язык есть также наша история.

В отличие от исторической лексикологии, которая ограничивается обычно регистрацией слов в письменных памятниках разных эпох, этимология, опираясь на метод сравнительной и внутренней реконструкции, вторгается в глубокую древность, стремится доискаться, как звучали слова и что они значили задолго до появления письменности. И тут она оказывается лицом к лицу с проблемой этногенеза. Что такое этимологический словарь? Это — самый глубинный вариант исторического словаря. Что такое этногенез? Это — самый глубинный аспект истории народа. На уровне этой глубины этимология и этногенез сближаются и протягивают друг другу руки: этимология помогает в решении этногенетических проблем, а этногенетические исследования, проводимые на основе экстралингвистических (археологических, этнологических, антропологических, исторических) данных, дают нужное направление этимологическим поискам.

Но эта чудная наука, называемая этимологией, помогает решать не только этногенетические вопросы. Мир слов — это весь исторический опыт нации, и в идеале этимологический словарь — окно, открытое в широкий мир истории народа, его генетических связей и ареальных контактов с другими народами, в мир реалий его материальной и духовной культуры, в мир культурных взаимодействий и взаимовлияний между народами.

Типология описательная и объяснительная

Типология определяется как «метод научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа» [9]. Первый шаг — распознавание и выделение признаков, характерных для данного класса объектов в отличие от других классов. В дальнейшем следует описать и систематизировать взятые за ориентир типологические признаки и этим ограничиться. Но можно пойти еще дальше и попытаться объяснить, почему типология данного класса объектов такая, а не другая. Возможны, стало быть, два вида типологических исследований: описательный и объяснительный. К примеру, если мы в одних языках имеем особую форму падежа прямого объекта («винительного»), а в других она отсутствует, то можно либо ограничиться констатацией этого факта, либо попытаться выяснить, чем вызвано и как возникло это различие.

В истории научного языкознания с самого его создания делались опыты типологической классификации языков как в описательном, так и объяснительном плане, хотя не всегда ясно сознавалось их взаимоотношение. В последние десятилетия интерес к языковой типологии заметно возрос. Достигнуты определенные успехи. В частности, выясняется необходимость размежевания двух указанных выше направлений типологических исследований, описательного (формального) и объяснительного (содержательно ориентированного, контенсивного) [10].

Предельная задача объяснительной типологии языка — соотнести определенные типы формальной структуры с определенными типами мышления, а через мышление — с определенными типами социального строя и культурного уровня.

Реализуема ли такая задача?

Н. Я. Марр, рассматривая язык как прямолинейно надстроечное явление, убедил себя, что такая задача разрешима. Он выдвинул теорию стадильности: язык с момента своего возникновения проходит ряд стадий, соответствующих стадиям развития общества. Попытка Марра закончилась полной неудачей. Почему? Стоит над этим задуматься.

Почему так трудно обосновать объяснительную типологию (стадильность)

Человеческая речь с самого ее возникновения обременена двумя функциями: познавательной и коммуникативной (включая экспрессивную). Познавательная функция реализуется в трех операциях: селекция (отбор актуального от неактуального), абстракция и классификация [11]. Структура каждой из этих операций в древнейший, донаучный период, хотя и включает элементы «чистого» знания, но зависит от уровня социального, хозяйственного и культурного развития и, стало быть, носит надстроечный характер. Человек познает мир не объективно, в его реальной сущности, а субъективно, сквозь призму своих социальных и хозяйственных интересов. Человек не просто познает объективную действительность, а «идеологизирует» ее. И здесь первобытная речь смыкается с первобытной мифологией и религией. В данном случае к языку применимы слова Ф. Энгельса (в письме к К. Шмидту): «Что же касается тех идеологических областей, которые еще выше парят в воздухе — религия, философия и т. д., — то у них имеется преемственное содержание, находящее и перенимаемое историческим периодом...» [12]. Особенность языка в том, что заложенная в его преемственности идеология усваивается в исторический период уже не как идеология, а как коммуникативная техника. Идеология, которая раньше была заложена в самом языке, в его лексической и грамматической структуре, теперь выражается с помощью языка, в развернутых определениях, суждениях, высказываниях [13, 14]. Вот этот-то процесс превращения идеологических структур в технические вынуждает с великим недоверием относиться ко всяким прямолинейным и упрощенным стадильным построениям. Если,

скажем, в морфосинтаксисе современного чеченского языка ясно выступают именные классы, а в современном английском языке их нет, это не значит, что у них принципиально разное (разностадийное) мышление. Это значит, во-первых, что чеченский был «застигнут» процессом технизации на более древнем уровне, нежели английский, и, во-вторых, историческая жизнь английского языка как техники была сложнее, интенсивнее, чем у чеченского. Кажется парадоксальным: чем сложнее история языка, тем проще его морфология. Но это так. Чем дальше от истоков реки и чем стремительнее ее течение, тем более обкатанной становится речная галька.

Что значит «язык был застигнут процессом технизации»? Это значит, что функция коммуникативной техники в нем решительно возобладала над идеологической, сведя последнюю к минимуму. Причем даже этот минимум актуален не для всей системы языка, но лишь для некоторых лексико-семантических явлений. В морфосинтаксисе идеология распознается лишь как пережиток. И то, что не мотивируется на т е х н и ч е с к о м уровне настоящего, получает мотивацию на идеологическом уровне прошлого.

Из сказанного не следует, что объяснительно-типологическая классификация языков вообще невозможна. Но она неизбежно окажется не идеологической классификацией исторически засвидетельствованных языков, а классификацией тех разных уровней их далекой п р е д ы с т о р и и, на которых они подверглись процессу технизации. А это значит, что объяснительная типология, — это проблема не синхронного и даже не исторического, а п р е д ы с т о р и ч е с к о г о палеонтологического языкознания. Структурно-типологические особенности любого современного языка приобретают о б ь я с н и т е л ь н о е значение только будучи проецированы в п р о ш л о е, на уровень их г е н е з и с а.

Совершенно иначе обстоит дело с описательной (формальной) типологией. Здесь возможны самые разные, синхронные и исторические классификации по самым различным формальным признакам. Познавательная ценность таких классификаций тем выше, чем «релевантнее» те признаки, которые положены в их основу.

Проблемы объяснительного языкознания

Чтобы определить свои задачи, объяснительное языкознание должно первым делом осознать себя, свою специфику, свое коренное отличие не только от описательного языкознания, но и от формально-теоретических обобщений. Обобщение — важный этап на пути научного познания. Но не всякое обобщение ведет к постижению сущности и первопричин. Формалистические упражнения в языкознании и литературоведении сливают «теорией языка», «теорией литературы», но в них нет ни грана объяснительного элемента. Формалистический подход — нечто диаметрально противоположное объяснительному. Принимая (или выдавая) форму за сущность, он не открывает, а заграждает путь к объяснению явлений.

Перед объяснительным языкознанием стоят большие задачи в разных направлениях и областях. Назовем некоторые из них.

1. Г л о т т о г е н е з. Следует реабилитировать проблему происхождения языка. На заре сравнительного языкознания, в романтический период его истории, корифей нашей науки не чууждался этой темы. Но потом, в младограмматической и так называемой «социологической» школе она была объявлена «ненаучной». А почему, собственно, ненаучная? Глоттогенез — один из аспектов антропогенеза. Другие его аспекты: социогенез (возникновение примитивных социальных организаций), техногенез (изготовление древнейших орудий труда и оружия), идеогенез (ранние формы идеологической надстройки, примитивные магические, мифологические и религиозные представления). Ни одна из этих тем не считается ненаучной и не находится под запретом. Этнолог и социолог стремятся возможно глубже проникнуть в образование таких человеческих общностей, как стадо, племя, род, семья. Археолог тщательно изу-

чает древнейшие орудия труда и оружие. Историк религии доискивается до самых ранних форм надстроечных представлений. Почему же только лингвист обязан наложить на себя обет молчания по проблемам происхождения языка? Потребность человеческого ума всегда и везде доходить до истоков слишком велика и естественна, чтобы можно было заглушить ее заклинаниями. Изучать всякое явление в его генезисе и развитии — это вполне марксистский принцип. И здесь марксизм смыкается с романтиками, а не с агностиками. Вероятно потому, что в самом марксизме есть романтическая струя. Инъекция известной дозы романтизма не повредила бы современному языкознанию, пораженному иссушающей болезнью формализма.

Верно то, что в рамках антропогенетических исследований приходится варьировать методику исследования. Лингвист, занимающийся происхождением языка, в отличие от археолога и этнолога, не может идти чисто индуктивным путем. Языки самых примитивных племен Австралии, Африки, Южной Америки не могут дать представления о начале речи. У каждого из этих языков за спиной тысячелетия технизации. Но, сочетая доступный индуктивный материал с некоторыми дедуктивными антропогенетическими и философскими идеями, можно построить вполне убедительную концепцию глоттогенеза⁵.

2. Фонология. Учение о фонеме как смысловозначительной единице — важный шаг в плане объяснительной интерпретации фонетических явлений. Глубинный смысл этого учения состоит в том, что организующим и формирующим фактором фонологической системы любого языка является с е м а н т и к а, потребность семантических дифференциаций.

Но фонема несет еще одну функцию: с о ц и о р а з л и ч и т е л ь н у ю. Она служит и в особенности служила в прошлом опознавательным признаком языкового коллектива, отличавшим его от других, родственных коллективов. На уровне антропогенеза эта функция была главной. Раньше чем стать смысловозначительной единицей, фонема была единицей социоразличительной.

Параллельно с этносоциальной консолидацией языковых коллективов шла консолидация и стабилизация их фонологических систем в их оппозиции друг к другу: р о ж д а л и с ь з в у к о в ы е з а к о н ы. Стало быть, в генезисе они имеют с о ц и а л ь н у ю природу. А это означает, что они не являются чем-то извечным, неизменным и неподвижным. Пока этноязыковые образования, входящие в данную языковую общность, более или менее аморфны, неустойчивы, нестабильны, распределение звуковых норм между ними характеризуется такой же неустойчивостью, нечеткостью. Намечаются лишь определенные, характерные для отдельных этно-языковых единиц фонетические т е н д е н ц и и, которые лишь постепенно стабилизируются и приобретают черты звуковых «законов». Наследием прежней нечеткой дистрибуции фонетических норм является любопытный феномен, который мы называем п е р е к р е с т н ы м и п з о г л о с с а м и [15]. Сущность этого феномена состоит в том, что ни в одном из родственных языков или диалектов установленные для них «звуковые законы» не выдерживаются сплошь, последовательно, по всему языковому материалу. Обязательны единичные вкрапления по фонетической норме того или иного родственного языка. Так, если брать индоевропейские языки, в языках группы «сатем» находим отдельные слова, оформленные по норме «кентум».

Объяснительная историческая фонетика постоянно должна считаться с явлением перекрестных изоглосс.

3. Лексика как система. Историческая лексикология, проследившая историю слов на разных этапах истории народа, остается наукой описательной. Объяснительное языкознание заинтересовано прежде всего в изучении лексики как с и с т е м ы. Системообразующим фак-

⁵ Высказанные мною в свое время соображения по этому вопросу [11] заинтересовали китайских коллег, и статья моя была переведена на китайский язык [в журнале «Говай юйянь сюэ» («Изучение языков за рубежом»), Пекин, 1980, № 1].

тором в формировании лексики является сознание общественного человека в его взаимодействии с миром, с объективной действительностью.

Освоение человеком объективной действительности включает три операции: 1) с е л е к ц и ю, вовлечение в сферу сознания тех элементов, предметов и явлений, которые актуальны при данном состоянии общества, и закрепление этих элементов в памяти; 2) а б с т р а к ц и ю, включение каждого осознанного феномена в какой-либо обобщающий концепт; 3) к л а с с и ф и к а ц и ю: группировку осознанных феноменов по тем или иным классификационным признакам [11].

На разных этапах развития общества каждая из этих операций имела свои особенности, свой особый тип: человек по-разному отбирал и отделял «нужное» от «ненужного», по-разному абстрагировал, по-разному классифицировал. Стало быть, структура лексики как системы все время менялась и меняется в зависимости как от природно-географической среды, так и, в особенности, от уровня хозяйственного и социального развития. Изучение этих меняющихся лексических структур, начиная от зарождения звуковой речи и до настоящего времени, логически приводит нас к проблеме л е к с и к о - с е м а н т и ч е с к о й типологии, к выявлению разных типов состава и организации лексического материала в зависимости от среды обитания, хозяйственной деятельности, общественного строя, особенностей народной психологии. Интерес этой проблемы, как в психолингвистическом, так и социолингвистическом плане, очевиден.

Трудности, которые здесь встают, ни в малейшей степени не снимаются так называемой «семиотической» (знаковой) теорией языка, одним из эфемерных созданий модернистского языкознания. Что слово — это не сам предмет и не его эквивалент, а всего лишь условный з н а к предмета, было ясно уже Платону, который в диалоге «Кратил» обосновал то положение, что связь между предметом и его наименованием не естественная (φύσει), а условная, «по установлению» (θέσει). Что касается термина «семиотика», то и он не нов. Его ввел в науку в XVII в. английский философ Д. Локк (1632—1704) [16]. «Молодая» наука, семиотика оказалась трехсотлетнего возраста. Банальная истина, что слово есть знак, не внесла ничего ценного не только в объяснительное, но и в описательное языкознание. Псевдоноваторские теории лингвистического модернизма имеют свойство быстро устаревать, и мы видим, что ажиотаж вокруг семиотики идет на убыль. Время — судья справедливый и неумолимый. Классик В. Гумбольдт будет жить века, а модернистские «новаторы» через какое-то время канут в пучину забвения. Языкознание наших дней нуждается не в модернизме, а скорее в неоромантизме.

4. Э т и м о л о г и я. Как я отмечал выше, этимология по замыслу — наука объяснительная. Она призвана объяснить происхождение и историю слов во всех аспектах: фонетическом, основообразовательном и словообразовательном, семантическом. На этом пути уже достигнуты значительные успехи, в особенности в области индоевропейских языков. Вместе с тем в последнее время в этимологии наблюдается известный методологический застой, и приходится даже слышать утверждения, что этимология себя исчерпала. Вернее будет сказать, что исчерпала себя младограмматическая традиция, которая в других областях лингвистики преодолевается, а в этимологии продолжает господствовать.

Предельная глубина большинства этимологических словарей — так называемый «праязык». Но реконструируемое праязыковое состояние само оказывается не чем-то примитивным, изначальным и монолитным, а результатом многотысячелетнего предшествующего развития. И стремление проникнуть в эти более отдаленные глубины, в д о - п р а я з ы к о в о е состояние языковых семей, представляется чем-то естественным. Но сделать это одним рывком, как пытался Н. Я. Марр со своей теорией четырех первоначальных элементов, наввно и безнадежно. Лингвистическая палеонтология должна быть методологически четкой и безупречной. Только при этом условии она может дать научно значимые результаты [17].

Не исключено, например, что односложным корням типа закрытого слога индоевропейского праязыка предшествовал тип односложных открытых корней, какой распознается в адыгских языках на Кавказе.

На путях глубинной палеонтологии вырисовывается такое архиархаичное состояние, когда язык располагал только одним гласным звуком неопределенной окраски и только одним столь же неопределенным сонантом. И лишь постепенно позиционные варианты этого гласного и этого сонанта приобретали статус самостоятельных фонем и включались в систему социоразличительных и смысловых различительных оппозиций [18].

Но даже не забираясь в такие глубины, можно многое сделать, чтобы улучшить наши этимологические словари, поднять на более высокий уровень их познавательную ценность. Для этого нужно прежде всего, чтобы этимология была тесно связана со смежными гуманитарными дисциплинами: этногенезом, археологией, историей культуры, общей историей, этнографией, фольклором.

Этимология должна в полной мере считаться с принципами и достижениями реальной лингвистики и тщательно учитывать все известные или исторически мыслимые ареально-лингвистические конфигурации, в которых мог участвовать исследуемый язык.

Этимологу все время следует считаться с таким феноменом, как **рекрестные изоглоссы** (см. выше).

В этимологических словарях, как правило, недостаточно учитывается роль звуковой символики. Это — большая ошибка, существенно снижающая ценность многих этимологических словарей.

Постоянная опора на реалии — одна из гарантий надежности этимологических решений. От слов — к реалиям, от реалий — к словам, такой двусторонний разбор должен быть законом для этимолога.

Следует, наконец, ограничить произвол и гадательность в семантической стороне этимологии путем выявления повторяемости определенных семантических переходов в самых различных, родственных и неродственных языках⁶.

5. **Лингвистическая типология.** Типологические построения возможны как на описательном (формальном) уровне, так и на объяснительном. В первом случае они не составляют особой трудности. Можно взять любой набор признаков — фонетических, морфологических, синтаксических — и положить их в основу группировки языков по «типам».

Совсем иное дело — объяснительная типология. Здесь исследователи ожидают большие трудности. Мы говорили выше, откуда эти трудности происходят: от двойственной природы языка; язык и коммуникативная техника, и познавательная система. Что значит дать объяснительную интерпретацию языковому структурному типу? Это значит соотносить данную структурную модель с определенной моделью мыслительных операций (селекция — абстракция — классификация), а через мышление — с определенной моделью социального устройства и этнической культуры. Но такое прямое соотнесение требует величайшей осторожности, так как соответствующие языковые структуры могли дойти до нас в технизованном виде, после того как их идейное содержание полностью выветрилось. Не удивительно, что скороспелые теории Н. М. Марра о стадиях развития языка и «едином глоттогоническом процессе» оказались примитивными и бесплодными.

Но ошибки изживаются, а проблемы остаются. Не следует выплескивать ребенка вместе с водой. Советские ученые нашли более позитивные подходы к морфосинтаксической типологии, свободные от вульгарно стадильных схем и в то же время содержащие определенные элементы объяснительной интерпретации. Таково исследование С. Д. Кацнельсона [19], работы Г. А. Климова [10] и др. В частности, такие морфосинтаксические категории, как выражение субъектно-объектных отношений (активный,

⁶ Подробнее на проблемах этимологии я останавливаюсь в подготовленной к печати статье «Как улучшить этимологические словари».

эргативный, номинативный строй) или именные классификации (класс социально активный и неактивный) явно имеют подоплеку в мышлении, в этносоциальной культуре. Точнее сказать — имели когда-то. Их идеологическое наполнение уходит в прошлое, по мере того как уходят в прошлое породившие их условия общественного бытия и общественного сознания. До нас они доходят уже как формализованная техника, а не как актуальная идеология.

Нельзя ли морфосинтаксическую типологию в ее историческом развитии соотнести и связать с типологией лексико-семантической, о которой речь шла выше? Такая постановка как будто естественна и сама собой напрашивается. В действительности она нереальна. Нереальна потому, что процесс технизации протекает в лексике и грамматике совсем по-разному. Что означает технизация в лексике? Переход слова в разряд терминов. Когда слово приобретает статус термина, оно утрачивает полисемию, все семантические обертоны, всю ту оболочку, которую мы называем идеосемантикой [20]. Значение его становится предельно ограниченным, узким и точным. Слово в статусе термина относится к семантически живому слову, как телеграфный столб к зеленой ветвистой сосне.

Но этот процесс перехода слов в термины захватывает лишь небольшую часть лексики и неограничен во времени.

Иное дело — грамматика. Здесь процесс технизации и формализации является определяющим с самого начала и по всему фронту. Всякая грамматика формальна, но не существует формальной лексики (кроме терминов и частей речи, обслуживающих грамматику: местоимений и пр.). Морфосинтаксические феномены и конструкции тоже имели когда-то свое идеологическое наполнение, свою идеосемантику. Но она постепенно улетучилась в практике коммуникативного использования. Проблема «лексика и мышление» может ставиться как в синхронном, так и историческом плане. Проблема «морфосинтаксис и мышление» — только в историческом и преесторическом.

Из всего сказанного вытекает, что бесполезно искать какую-либо связь и параллелизм между типологией лексико-семантической и типологией морфосинтаксической, если не считать самых начальных периодов формирования как лексики, так и грамматики.

6. Курс Введения в языкознание должен в идеале состоять из двух разделов: Введение в описательное языкознание и Введение в объяснительное языкознание. Становится все более очевидным, что это две разные науки. Лингвистику в целом относят к гуманитарным наукам. Это неточно. К гуманитарным наукам относится только объяснительное языкознание. Относить сюда же описательную лингвистику можно только по недоразумению. Куда же ее надо отнести? Ответ очень прост. Коль скоро описательная лингвистика изучает язык как коммуникативную технику, ее место — среди технических наук. Но «техника», особенно в наше время — понятие необъятное. Можно уточнить: теория информации, кибернетика — вот ближайшая родня описательной лингвистики. Из традиционных наук — логика и математика. Наконец, когда речь идет о звукопроносительном механизме, лингвист нуждается в данных физики (акустики), анатомии и физиологии. Ни одного фундаментального контакта с общественными науками.

Совершенно иначе обстоит дело с объяснительным языкознанием. Оно тысячами нитей связано именно с гуманитарными науками. Философия (особенно теория познания), психология, социология, общая история, история культуры, археология, этнография, фольклор, литературоведение.

То, что лингвистика до сих пор не осознала ясно, что она состоит из двух наук, говорит о том, что она находится пока в младенческом состоянии. Так же точно астрономия в пору своего младенчества не осознавала, что она состоит из двух наук: космографии и астрофизики.

Перед описательным языкознанием сейчас, как сто и двести лет назад, стоит задача оптимального по методике описания лексики и грамматики

конкретных языков в синхронном и диахронном плане. Обобщенный опыт таких описаний используется на теоретическом уровне для построения формально-типологических моделей с охватом максимального числа языков.

Опора на конкретный языковой материал должна быть обязательной предпосылкой всяких теоретических построений. Приходится это подчеркивать, потому что некоторые лингвисты за рубежом, а частью и у нас, наловчились строить теории языка дедуктивно, без языкового материала [21]. Читать произведения таких теоретиков — дело благодарное. Когда проредешься через джунгли надуманных абстракций и терминологических манипуляций, приходишь к какой-нибудь банальнейшей истине, вроде того, что язык есть знаковая система.

Объяснительное языкознание только еще расправляет крылья. Когда оно раскроет все свои потенции, о которых речь шла выше, оно станет одной из центральных наук гуманитарного круга. Великий и пока еще не выполненный долг, который лежит на объяснительном языкознании, вытекает из исключительной роли, какую играет язык в жизни общества и в истории человечества. Язык — универсален. Будучи сам драгоценнейшим, поистине чудесным даром культуры, язык представляет способ объективации всех других проявлений культуры, всех аспектов общественного бытия и сознания, отложение всего исторического опыта и практики народной жизни. Вот почему объяснительному языкознанию суждена роль самой универсальной из всех общественных наук. К нему будут тянуться все другие гуманитарии. Со своей стороны лингвисты гуманитарного профиля сочтут для себя долгом быть в курсе всего значительного, что добыто и достигнуто в других гуманитарных науках. Это будет новая эра в истории языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кедров Б. М. Классификация наук. I. Энгельс и его предшественники. М., 1961, с. 42—43.
2. D'Alembert. Discours préliminaire. Paris, 1912 (1-е изд. Paris, 1751).
3. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911.
4. Риккерт Г. О системе ценностей.— Логос, 1914, т. 1, вып. 1.
5. Windelband W. Geschichte und Naturwissenschaft. Strassburg, 1904.
6. Маркс К. Капитал. Послесловие ко второму изданию.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 21.
7. Giovanni Battista Vico. Principi di una scienza nuova. Napoli, 1725.
8. Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.— В кн.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956.
9. Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 685.
10. Климов Г. А. Принципы контенсивной типологии. М., 1983.
11. Абаев В. И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка.— В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
12. Энгельс Ф. Конраду Шмидту 27 окт. 1890.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 419.
13. Абаев В. И. Язык как идеология и язык как техника. Когда семантика перерастает в идеологию.— В кн.: Язык и мышление. II. Л., 1934.
14. Абаев В. И. Еще о языке как идеологии и как технике.— В кн.: Язык и мышление. VI—VII. Л., 1936.
15. Абаев В. И. О перекрестных изоглоссах.— В кн.: Этимология. 1966. М., 1968.
16. Locke J. An essay concerning humane understanding. London, 1690.
17. Knobloch J. Problemi e metodi della paleontologia linguistica.— Atti del VI Convegno internazionale di linguisti. Brescia, 1977.
18. Абаев В. И. О вариативности сонантов.— FL, 1973, т. VI, 1/2, с. 194, 196.
19. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. М., 1972.
20. Абаев В. И. Понятие идеосемантики.— В кн.: Язык и мышление. XI. М.—Л., 1948.
21. Storz G. Sprachanalyse ohne Sprache. Bemerkungen zur modernen Linguistik. Stuttgart, 1975.